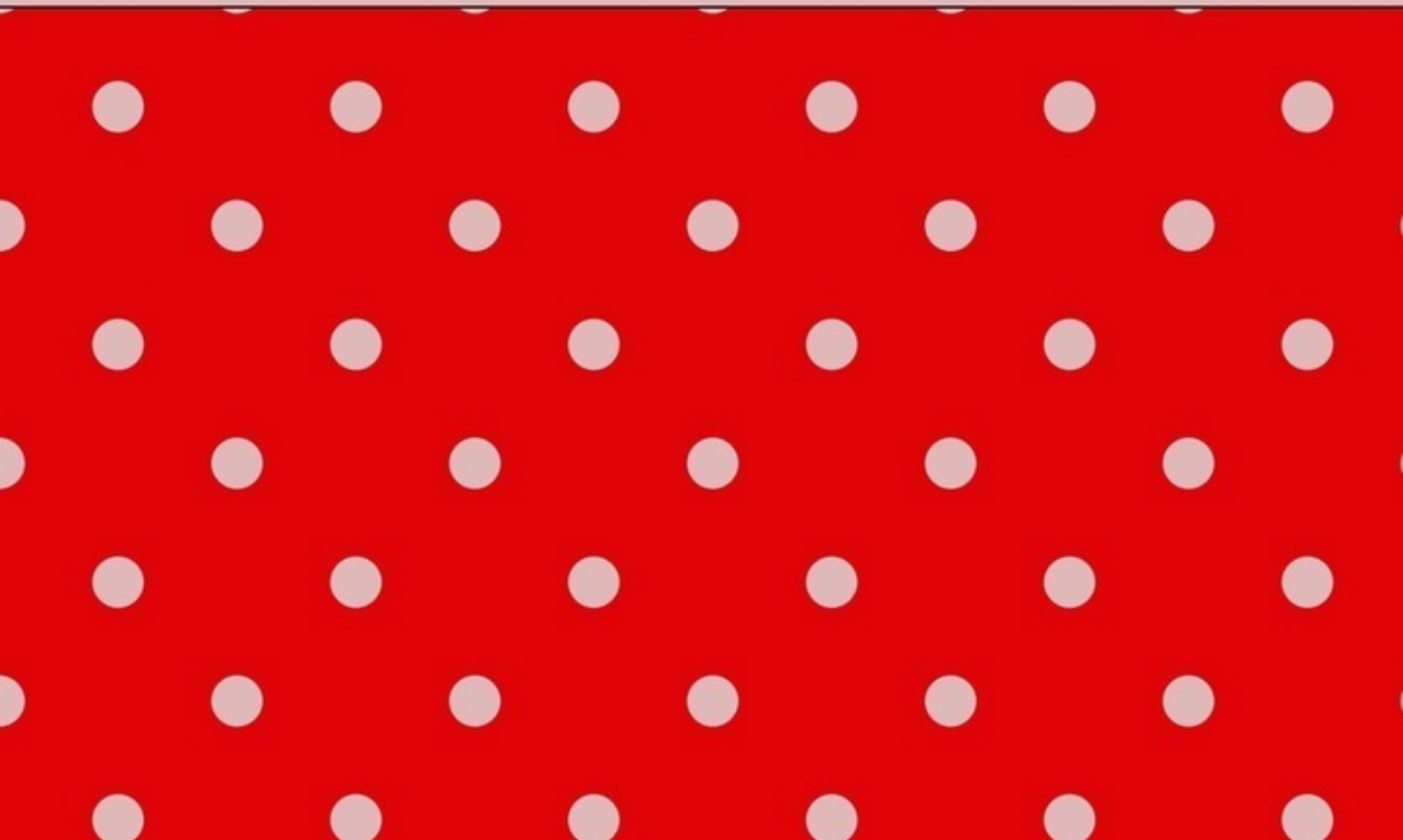

Венер Мавлетов

Воин с иллюзиями

Фэнтези

Венер Мавлетов

Воин с иллюзиями

«Издательские решения»

Мавлетов В.

Воин с иллюзиями / В. Мавлетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747102-6

Горе тому, кто отдает своё сердце иллюзии — этой единственной реальности на земле, но горе и тому, кто этого не делает. Одного ждут разочарование и боль, другого — запоздалые сожаления. Однако во всем должна быть золотая середина. Нельзя жить от одной иллюзии к другой, потому что истинное счастье зиждется на реальности. Об этом данная книга.

ISBN 978-5-44-747102-6

© Мавлетов В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Воин с иллюзиями
Фэнтези
Венер Мавлетов

© Венер Мавлетов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Бескрайние степи, пустыни и полупустыни были страной дагайцев. Чувство бесконечности мира жило в сердце каждого дагайца, ибо с рождения он видел вокруг бескрайность. День идешь, другой, неделю, месяц, а кругом вся та же бескрайность.

Прекрасна была степь весной и летом. Трава, ещё не выжженная солнцем, радостно зелела. Степные цветы радовали сердце своими яркими красками, множество рек и речушек прорезали её, извилисто текли, впадая в озёра. Многие из них пересыхали в жаркое лето, и снова рождались в период осенних дождей. В озерах и реках было много рыбы. Летом прилетали с юга птицы: утки, гуси, на них и охотились дагайцы, совершенствуя свое искусство стрельбы из лука.

Владели столь бескрайними землями дагайцы благодаря силе своего оружия, искусству воина и мудрости вождей.

Далеко на юге в долине Белой реки жили земледельцы, ремесленники, торговцы. Жизнь их была более легка. Земледельцы выращивали пшеницу, рожь, ячмень. Они заботились об орошении своих полей. Это были люди другой веры, другого склада характера, иначе понимавшие мир.

С севера и запада земля дагайцев была окружена непроходимыми лесами, а если идти на восток, то рано или поздно человек добирался до пустынных берегов холодного моря.

Дагайцы же жили в юртах по собственному желанию и обычаю. Они были равнодушны к богатству, говоря, что богатство – это песок пустыни, который уносится легким дуновением ветерка. Они ценили лишь оружие и своих скакунов. Поводья у всадников были богато инкрустированы серебром, а седла им нравилось обтягивать шелковой тканью с вышивкой. И полноту жизни чувствовали только в седле, когда охотились или сражались.

Мало что могло взволновать великого Тогрула, но сегодня он испытывал волнение, ибо не было более торжественного дня, как день Судьбы. С самого утра бродил Тогрул по степи, не находя покоя. Многое на своем веку повидал и пережил Тогрул, но не ожесточилось его сердце. Он был не только воин, но и истинным философом.

– Мир, – объяснял Тогрул сыну Азару, – золотая чаша, полная скорпионов и змей. Самое худшее в человеке – это слабость. Если человек слаб духом, то он всегда предаст. Часто человеку удается скрывать слабость своего духа, но всегда наступает такое время, когда он предаст, ибо он раб своего страха. Такой человек привязан к жизни и материальному достатку, поэтому старайся увидеть слаб или силен духом человек. Если человек подчиняется другому человеку только из-за того, что видит в нем силу и мощь, способную лишить его благополучия или даже жизни, то он всегда предаст. В таком человеке нет веры. Он лишен человеческого достоинства. Ему не суждено в этой жизни стать человеком. Это низменное существо, живущее в вечном страхе.

Азар был совсем ещё ребенок, но не по годам смышлен и рассудителен, поэтому Тогрул говорил с ним как с равным.

В своем сыне Тогрул души не чаял, тому было много причин. Он был долгожданным ребёнком. Его любимая жена родила ему шестерых девочек, а вот сына родить никак не могла. Совсем уже было отчаялся Тогрул, но не возроптал: его Вера требовала принимать жизнь такой, какой она есть, не препятствовать её движению, а разум человека не совершенен, чтобы ею управлять. Лишь принимая мир таким, какой он есть, можно достичь счастья и покоя души, ибо счастье человека в одном дне, а правда жизни в его совести.

Человек слаб и смертен, а вера сильна и бессмертна. Вера ведет человека и его народ по жизни в будущее. А что там будет – никто не знает. Все должны быть людьми веры. Если человек лишен веры, то нет у такого человека будущего. Вера объединяет личную судьбу чело-

века с судьбой народа, вот почему вера так важна. И вера должна быть истиной, чтобы не увела от правильного пути. Ложная вера превращает жизнь земную в ад.

И вознагражден был Тогрул за свое смирение и терпение: жена родила ему сына. Был сын во всем похож на отца. С рождения в нём была заложена любовь к опасности и риску. И в то же время, Азар в опасной ситуации всегда сохранял хладнокровие и рассудительность.

«Источник жизни», – говорили о нём дагайцы, наблюдая как он неутомим в играх, как упорен в достижении цели. Он мог с утра до вечера стрелять из лука в мишень, добиваясь того, чтобы все стрелы попадали в самый центр.

Сегодня Азару, как и всем остальным мальчикам дагайцам, достигшим семилетнего возраста, нужно было пройти испытание, которое определит его будущее.

Еще не было случая, чтобы предсказанная Хранителем Веры судьба оказывалась неверной. Испытание определяло суть человека, а суть неизменна до конца жизни.

Родители в этот день волновались больше, чем мальчики, которые не испытывали волнения, потому что не знали и того, что подвергаются испытанию, и того, что от сегодняшнего дня зависит их будущее.

Не так легко давалось спокойствие родителям, ибо оно показывало – выполнили ли они свое предназначение на земле – воспитали ли достойного воина. Случалось, что самый храбрый воин, сын которого не прошел испытание, навсегда покидал племя, не в силах пережить свой стыд и позор.

В этот день каждому мальчику, которому предстояло пройти испытание, давали приказ сторожить юрту. Мальчик садился на полу юрты, а рядом с ним был его деревянный меч, грозное оружие, которым он уже искусно владел.

Хранитель Веры подбрасывал каждому змею. Если мальчик бледнел от страха и не мог пошевелиться, то не суждено было ему стать воином. Никогда ему не преодолеть своего страха, не победить самого себя. Ему суждено быть рабом своих желаний и страстей, такой человек по своей природе – жертва.

Если мальчик безжалостно убивал змею, то ему суждено было стать воином, но не вождем. Ибо вождь – это не только бесстрашие, но и милость. Жестокость не поощрялась дагайцами, ибо превыше всего они ценили жизнь. Воин не может постичь мудрость жизни, он не способен видеть всю картину мира, он готов только сражаться, когда видит врага.

Судьба же вождя была предначертана лишь тому ребенку, который оставался спокойным при виде змеи. Змея ползала рядом, а мальчик лишь наблюдал за ней. В его сердце было много храбрости, но и разум был открыт: к чему убивать змею, которая не причиняет никакого вреда?

Сын Тогрула удивил всех. Когда ему бросили змею, то он мельком взглянув на неё, встал, налил в чашку воду и поставил её перед змеей. Та стала жадно пить воду.

Когда Хранитель Веры спросил, почему он так сделал, то он ответил:

– Она хотела пить.

– А как же ты узнал, что она хотела пить?

– Почувствовал, что её мучает страх и жажда.

Ничего не сказал Хранитель Веры, повернулся и вышел из Юрты, где его уже ожидал Тогрул.

– И как же ты истолкуешь это испытание, Хранитель Веры, – спросил Тогрул.

– Ты же знаешь, вождь, что рабы служат Небу из страха наказания, свободные люди – из любви к справедливости. И лишь немногие служат, потому что идут путем Истины. Радуйся, Тогрул, твой сын всегда будет идти дорогой Истины. Придет время, когда он вступит на Путь Истины. Не препятствуй ему, вождь Тогрул.

Часть первая

Глава 1

Айсу замерла, держа свою шпагу неподвижно, ожидая, когда её противник сделает первое движение. Неожиданно Ширази сделал выпад, но она ловко увернулась и сама нанесла удар, но шпага нашла только пустоту.

Соперники закружили по площадке, двигались они стремительно, удары наносили молниеносно, но цели своей они не достигали.

Айсу превосходно усвоила все уроки Ширази, величайшего мастера клинка, который учил её отражать атаку противника прежде, чем тот её начинал. «Твоя мысль, – наставлял её Ширази, – должна опережать действие противника».

Они ещё долго бы кружились, но Рамзай, брат Айсу, внимательно следивший за схваткой, встал и сказал:

– Наблюдать за вами – истинное наслаждение, но у меня, к сожалению, много дел.

Соперники прекратили бой, поклонились друг другу.

– Ширази, ты мне не поддавался? – строго спросила Айсу.

– В военном деле нет места притворству, – ответил Ширази. – И знаешь, в этом бою ты даже победила.

– Как победила? – спросила Айсу. – Я же не смогла нанести ни одного укола.

– Ты победила моё сомнение, – пояснил Ширази. – Я не верил, что ты когда-нибудь станешь столь искусной в фехтовании. Твое упорство в достижении цели не знает границ. Ох, не завидую я твоему будущему мужу.

– Пока не завидуй её жениху, с которым ей завтра предстоит дуэль, – вступил в разговор Рамзай. – Быть может, Айсу, ты откажешься от дуэли?

– Ты желаешь, брат, чтобы я вышла замуж за него? – спросила Айсу.

– Нет, не желаю, – ответил Рамзай, – но, думаю, что ты слишком сильно его унизишь и у нас одним врагом станет больше.

– Ты же знаешь, брат, Сархаду неведома любовь, он прельщен моей красотой, его влечет моё тело, а душу он ценить не умеет. Рано или поздно я наскучу ему. Буду с ним несчастна, а он никогда не будет счастлив: ни со мной, ни с другой женщиной, ибо ему недоступны простые радости жизни.

– Совершенный ум и красота! – вздохнул Ширази. – Как же я завидую тому, кто сумеет покорить твое сердце.

– Я тебя понимаю, – сказал Рамзай, – но ты могла бы высказать какое-нибудь другое желание, которое он не смог бы исполнить. И обычай был бы соблюден, и избавилась бы от жениха.

– Могла бы, – согласилась Айсу, – но это первое, что пришло мне в голову. Ты сердишься на меня?

– Нет, что ты, – ответил Рамзай. – Его отец – наш враг и союз с ними был бы все равно невозможен. Ничего ведь не изменится: лишь наша плохо скрываемая вражда станет явной и открытой. И знаешь, всыпь ему завтра как следует.

– В этом, брат, можешь не сомневаться, – ответила Айсу.

Рамзай и Ширази ушли, а Айсу, оставшись одна, погрузилась в воспоминания. Они почему-то неожиданно нахлынули на неё. Ей казалось, что неожиданно, но всему всегда есть причина. Когда человек стоит перед выбором, он всегда проживает свою жизнь заново, чтобы не ошибиться в следующем шаге.

Айсу вышла в сад, неторопливо пошла по дорожке к пруду. Лёгкий ветерок играл в саду цветами и листвой деревьев. Все вокруг был озарено мягким и ласковым светом заходящего солнца. Дошла до пруда, сплошь покрытому лотосами, села на скамеечку в беседке и позволила своим мыслям течь, как им вздумается.

Каждое лето Айсу наблюдала как расцветал розовый лотос. На глади пруда появлялись огромные тёмно-зелёные листья. Между ними, словно стрелы, вырывались к небу остроконечные бутоны на длинных упругих стеблях. И как только золотистый луч восходящего солнца касался бутонов, нежно розовые лепестки раскрывались, открывая свою золотистую сердцевину.

Этот цветок напоминал ей мать: она была так же нежна и прекрасна, как розовый лотос. Каждая женщина рождается цветком. А для того, чтобы он цвел, а не засох и не зачах, нужна любовь. Только любовь позволяет цвести женщине. Тогда она может радоваться жизни и радовать всех, кто её окружает. Какие мужчины глупые, они не понимают, что нужно женщине. Они губят не только женщину, но и самих себя. Не каждому мужчине дано понять, что любовь к женщине – это их счастье. Их может прельщать красота иных, но красота родной души – вот что самое главное.

Мама не только даровала ей жизнь, но и открыла ей мир любви.

Айсу чувствовала людей. От отца всегда исходил холод, от брата – спокойствие, а от мамы тепло. Когда мать брала её на руки, когда она просто была рядом, она всегда чувствовала тепло. Айсу чувствовала и непонятную для неё грусть матери. О чем грустила мать, она не знала, но чувствовала, ведь печаль и радость не нуждаются в доказательствах. Это разуму нужны доказательства, а сердцу ничего не нужно. Со временем грусть матери превратилась в печаль, а затем в неизбывную тоску. Она на глазах чахла, жизненные силы покидали её. И однажды она не проснулась. Смерть пришла к ней во сне. Было Айсу в то время пять, а её брату Рамзаю – двадцать лет.

Со смертью матери изменилась и самая Айсу. Она стала прятать свои чувства. Редко кто видел её улыбку, редко когда она смеялась. Печальная судьба матери на многое открыло ей глаза. Она стала всё вокруг подмечать и замечать. Не сразу, но она пришла к открытию, что нельзя быть слабой. Лет в десять Айсу приняла твёрдое решение: никто и никогда не увидит её такой, какой она есть на самом деле. Она станет воином, который не уступит если не в силе, то в боевом искусстве ни одному мужчине. В этом мире все должно было быть так, как того желает она. Она могла бы быть маленьким солнцем, посылающим прекрасные тёплые лучи, но именно это её погубит, как погубило её мать. Женщины очаровательны не в слабости, а в нежности. А слабыми им быть нельзя, ибо жизнь нелегка, поэтому она станет воином.

Чем, чем, а характером Айсу была не обделена. Она никогда не испытывала ни перед кем робости, всегда была сама собой. Отчаянная до безрассудства. Ей подчинялись и мальчишки, и девчонки. Она устраивали разные проказы, отчаянно дралась с мальчишками и всегда одерживала победу. Если она бралась за что-либо, то всегда достигала отличных результатов. Была великодушна, но в гневе выплескивала всю себя, не заботясь о последствиях.

Айсу вздохнула. Ещё один день её жизни прошёл, но в нём не было ничего, что даёт ощущение полноты жизни и счастья. Всего лишь ещё один день жизни, похожий на множество других. Она встала и направилась к дому. Войдя в спальню, остановилась у зеркала. Из зеркала на неё смотрело само совершенство, которое свысока взидало на мир, бросая вызов всем и всему. Каштановые волосы, карие глаза, белоснежная кожа лица. Своей красотой она могла гордиться, но она не гордилась, а испытывала сожаление. Ведь она должна принадлежать кому-то, но всё её существо протестовало против этого. Не было вокруг ни одного мужчины, ради которого она бы пожертвовала своей красотой. Лучшим из мужчин был её брат Рамзай, который искренне восхищался и гордился ею. Остальные мужчины лишь жаждали обладать ею.

И всё же как же она желала любить, но кого? Ей хотелось дать выход всей своей нежности, но кому? Она уже многих покорила своей красотой. Перед её красотой робели самые смелые мужчины, но никто из них не покориł её сердце.

Наступит ли время, когда она кого-нибудь полюбит? Ничего нельзя узнать о любви, не полюбив. Не полюбив, нельзя узнать себя. Не зная себя, невозможно найти истинный путь. Где же он тот, которому под силу вознести её на вершины счастья. Где же он? Где же он?

И вдруг Айсу увидела, что зеркало затуманилось и ощутила, что она уже не в спальне, а в другом мире. Вокруг было бесконечное тёмно-синее пространство. Над головой были звезды и луна, а внизу, на земле, лишь тьма. Она вглядывалась в эту темноту, пытаясь хоть что-либо разглядеть, но могла различить лишь неясные очертания домов, деревьев.

Неожиданно перед ней возник светлячок. Ей захотелось его поймать, она полетела за светлячком, но расстояние между ними не сокращалось. Они летели с одинаковой скоростью, светлячок явно указывал ей дорогу.

Светлячок неожиданно исчез, а она увидела красивого юношу, спящего у костра. Айсу не желала, чтобы он увидел её. Неожиданно пришло решение: он увидит не её, а змею. Она и себя не раскроет, да заодно и проверит, храбр ли юноша или красота его единственное достоинство.

Айсу создала иллюзию и юноша почувствовал, как что-то холодное, тяжелое давит ему грудь. Он открыл глаза и встретился с пронзительным взглядом карих глаз.

– Кто ты? – спросил он.

– Тише, тише, тише, – прошептала она. – Смотри мне в глаза и молчи.

– Хорошо, – сказал юноша.

Айсу вдруг охватила досада не от такого, что юноша не испытал никакого страха, а от его удивительного спокойствия, граничащего с равнодушием. А какая девушка простит равнодушные к себе?

– Я необычная змея, – продолжила она. – Я нежная, чувствительная и благородная. Хочешь я для тебя станцую?

– Никогда не видел танцующую змею, – ответил ей юноша.

Айсу соскользнула на пол. Лунный луч осветил её. Она стремительно свивалась в кольца. Кольца всё множились и множились и казались бесконечными. Гибкая мощь и стремительность завораживала. Неожиданно она застыла. Бросила на него кинжальный пронизывающий взгляд.

– В твоих глазах нет ни тени чувства. Разве тебе не нравится мой танец? – спросила она.

– Во мне все замерло от красоты, – ответил юноша и улыбнулся.

Айсу рассердила его улыбка, ибо было в ней что-то покровительственное, снисходительное.

– Тебе нравятся мои покачивания, мой прямой, открытый взгляд?

– Да.

– Встань, дай мне немного своего тепла.

Юноша встал, она обвилась вокруг его тела, сжимая его в крепких объятьях, но змея не была холодной, от неё исходило тепло.

– Погладь меня, – попросила Айсу.

Юноша исполнил её приказание.

– Я люблю тебя, – сказала Айсу. – Ты знаешь, почему я так откровенна?

– Нет, – ответил юноша.

– Я так откровенна, потому что одарю тебя своим поцелуем. А ты знаешь, что означает поцелуй змеи?

– Нет.

– Поцелуй змеи – это смерть.

– Ну что ж, целуй, – сказал юноша.

Айсу нежно коснулась его губ, но юноша крепко обнял её и так поцеловал, что тепло разлилось по всему её телу, а ноги чуть не подкосились. Она оттолкнула его.

– Ты не испугался! Что ж! На этот раз я сделаю исключение, помилую тебя, – сказала она и поспешила исчезнуть.

Айсу была взволнованна, но чем, она не могла понять. Хаос чувств овладел ею. И была какая-то досада на юношу, который не оробел перед нею. Происшедшее его скорее позабавило, чем напугало. Ну ничего, в следующий раз он об этом пожалеет. Обязательно пожалеет.

Глава 2

Никаких особых дел у Рамзая не было, но ему нужно было ещё раз всё взвесить, обдумать, прежде чем решиться на решительный шаг. На шаг, после которого уже не будет хода назад. Он хотел было уединиться в своем кабинете, но Ширази вошел вслед за ним, сел в кресло и сказал:

– Я вот думаю, Рамзай, почему человеку всегда чего-то не хватает?

– О чем ты, Ширази?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Ты счастлив, у тебя есть всё, чего только можно пожелать, но ты желаешь большего. Я не сомневаюсь, что в схватке ты победишь Хазрата, но он – сильный и умный враг, который будет противиться всему, чтобы ты будешь делать, да и все остальные не пожелают расстаться со своими привилегиями. Хазрат воспользуется этим и объединит всех против тебя. Этот мир не изменить.

– Ты думаешь, что я не думал об этом, – сказал Рамзай. – Конечно, я могу бы продолжать жить так, как жил, ничего не меня в жизни. Это будет счастливая и покойная жизнь, но только для меня, но не для моих детей: ведь моя жена не из высокорожденных, а, значит, и мои дети – бастарды, незаконнорожденные. Я мог бы навсегда покинуть Хазарстан, чтобы устроить свою жизнь в другом месте, но разве можно убежать от самого себя? К тому же в другой стране будут другие проблемы, которые придется решать.

– Умный ты человек, Рамзай, но кое-что не понимаешь, – возразил Ширази. – Человеку можно дать всё: денег, славы, власти, но только не свободу. Он сам её должен добиться. Ведь это путь внутрь себя, к собственному центру существования, путь Духа, который должен пройти сам человек. Свобода должна быть познана и открыта.

Прав был Ширази. Рамзай лишь сам недавно понял, что такое свобода. И научила его свободе Дарина, по законам Хазарстана – рабыня.

– Высокорожденные не могут быть вторыми в жизни, ибо это для них равносильно смерти. Единственное, кому позволялось быть выше, лишь Богу, но даже Он может быть первым в другом мире, а на Земле они первые, – сказал Рамзай. – Пройдёт вечность, прежде чем они поймут, что свобода им нужна прежде всего самим.

– Вижу, что тебя не переубедить, – вздохнул Ширази, – но попытаться следовало. В общем-то, я хотел сказать тебе о другом, что я всегда буду на твоей стороне, что бы не случилось.

– Я знаю, Ширази, – сказал Рамзай, – но будет лучше, если что-то пойдет не так, как я задумал, ты позаботишься о Дарине и детях. Я не прошу себе, если из-за меня они пострадают.

– Сделаю всё, чтобы защитить их, не сомневайся, – ответил Ширази. – И удачи тебе.

Ширази ушёл и Рамзай остался один на один со своими мыслями.

Много странного в этой жизни. От отца Рамзай унаследовал огромную силу, а от матери доброе сердце и способность чувствовать чужую боль. Но именно отцу он был обязан своим счастьем, хотя всегда презирал его так же глубоко, как любил мать.

У отца были сложные отношения с матерью Рамзая. Он любил её, но её сердце никогда не принадлежало ему. Она вышла за него против своей воли. И видно именно этого никогда не мог простить ей отец. Отец приводил в дом женщин. Все безобразия творились на глазах Рамзая. Он уже был достаточно взрослым, чтобы понимать. Матери были безразличны похождения отца. Какая-то грусть-тоска съедала её. Быть может, тоска по загубленной жизни.

Со смертью жены отец и вовсе пустился во все тяжкие. Никто его не порицал. Во многих домах процветал порок, но все делали вид, что ничего не замечают.

Все высокорожденные обладали способностью подчинять других людей своей воли. Они проникали в сознание человека. Одних людей они подчиняли тем, что узнавали их страхи

и управляли им. Если человек был силен духом и мог противостоять своим страхом, то высокорожденные создавали иллюзию. И с помощью этой иллюзией управляли человеком.

Высокорожденные редко покидали свою страну, небезосновательно считая Хазарстан раем на земле. Торговлю с другими государствами вели рабы и незаконнорожденные сыновья. Они же были их глазами. Рабы и бастарды находили самых искусных ремесленников в других государствах, а уже затем в дело вступали высокорожденные. Они опутывали сеть сознание человека и человек сам отправлялся в страну высокорожденных, при этом никому не открываясь. Одни из страха, а другие из-за своих желаний. Высокорожденные внушали им, что они попадут в страну обетованную, в страну своей мечты, а они попадали в рабство.

Очень редко, но и такое случалось, что высокорожденные не могли подчинить себе человека. Человек сопротивлялся воле высокорожденного, иногда даже погибал, но не сдавался.

Таким человеком оказалась и Дарина. Она сокрушила отца Рамзая своей красотой, поэтому он не захотел отступать. Для него было невыносимо быть отвергнутым ещё раз.

И отец Рамзая решил прибегнуть к чрезвычайным средствам. Он съел Пейотль, которому поклонялись как божеству, поскольку он многократно увеличивал силу высокорожденного. Непреодолимая страсть к Дарине заставило его пренебречь опасностью: ведь проникнув в неведомые дали Духа, можно было и не вернуться в реальность.

Так случилось и с отцом Рамзая. Три дня он пребывал в мире Духов. Казалось, что он умер, о том, что он жив говорило лишь его редкое дыхание. Через три дня он открыл глаза, чуть слышно прошептал: «Я призвал её». Это были его последние слова.

Дарина появилась через месяц. Не было никакого сомнения, что это именно она, ибо такой совершенной красоты Рамзай ещё не встречал.

– Я знаю, что тот, кто призвал меня, умер, – сказала она Рамзаю.

– Почему же ты пришла? – удивился он.

– Я видела узор, – ответила она.

– Какой узор? – не понял Рамзай.

– Узор жизни, – пояснила Дарина. – Иногда у меня бывают видения. Я вижу, то, что скрыто, и то, что будет. Я вижу узоры, которые связывают людей. Не понимаю, как это возможно, но я вижу, как связаны люди невидимыми нитями. Как их судьбы сплетаются в единый узор. Я смотрю на мужчину и женщину, которые даже мне не знакомы, но знаю, что они поженились. Я вижу влюбленных и их чувства. Таков мой дар, от которого я бы хотела избавиться, но вряд ли это получится. И это дар призвал меня сюда.

– Ты вольна делать в моем доме всё, что пожелаешь, – сказал Рамзай, покоренный её красотой.

Несмотря на молодость, Рамзай уже хорошо разбирался в женщинах.

Одни женщины стремятся к кровавым зрелищам с таким же бешенством, как к сладострастию. Они жадно раскрывают глаза при сценах мучений, испытывают злорадную радость при виде смерти. Нет предела падению таких женщин, они ни перед чем не останавливаются, совесть их никогда не мучает, они лишь следуют своим страстям и желаниям. Чем высокороднее мужчина, тем он привлекателен. Ибо властвующий мужчина – это сильный мужчина. Если он сумел подчинить себе многих, то он обладает силой. Они влюбляются в жестоких, но сильных мужчин, ибо главное для них половая мощь. Они любят так же, как убивают.

Но есть и другие женщины. Женщины – учителя милосердия. Такой была мать Рамзая, такой была Дарина. Они тоже удивляют. Они удивляют, что представляют противоположность здравому смыслу. Великая любовь к жизни проявляется в их бесконечной доброте.

В женщине есть космическая сила, непобедимая сила созидания или разрушения, как в природе. Да и сама она природа. Она – источник и жизни, и смерти. Дарина лишь убедила его в этой мысли.

Трудно описать чувства, которые пробуждает в человеке любовь. Они таинственны и могущественны. Отражение полной луны в ночном озере волнует своей красотой, но оно только отблеск луны. Так и чувства лишь отблеск любви. Любовь открывает красоту человеку, не только красоту женщины, но и красоту мира.

Дарина с первого взгляда покорила его, обворожила своей жизнерадостностью, откровенностью и простотой. Красота её так его волновала, что он исполнил был любое её желание. Когда она была рядом, когда он глядел в её лицо, всё внутри замирало от чувства нежности, перехватывало дыхание. Дарина была сама нежность, которая имела над ним власть. Рамзай не знал, что он способен на такие чувства. Нежность мужчины – это не слабость: только сильный человек не побоится обнажить своё сердце.

Дарина многому научила Рамзая. Научила ценить красоту. Этот мир краше, когда красоту чувствуют и видят двое. Даже луна выглядит иначе, когда на неё смотришь вдвоем.

Она научила его быть терпеливее и добрее к людям. Душевная мягкость, которой она обладала, была неисчерпаема. Он часто задумывался, откуда в ней такая доброта к людям. И не мог понять. Как-то он спросил её об этом. Она улыбнулась и сказала: «Если в сердце есть любовь, то там нет места ненависти».

Она излечила его от гордыни. Гордыня – это смертный грех. Гордыня – это высокомерие, неуважение, надменность, пренебрежение, немилосердие, непощение, не умение выслушать, самомнение, нежелание прислушиваться к мнению других, неуступчивость, и жестокость и крайнее пренебрежение. Гордыня порождает остальные грехи. Гордыня предшествует падению человека. А таких падений Рамзай видел немало. Гордыня погубила его отца, а сам он отравил жизнь матери.

Гордыня ставит предел развитию человека. Она мешает видеть и понимать жизнь такой, какая она есть. Гордыня – это страх, что кто-то окажется лучше тебя. Зачем стремиться к самосовершенствованию, если я и так бог.

Известно, что в мире нет ничего слабее воды, но и ничто не сравнится с её способностью побеждать. «Дарина! – с нежностью подумал Рамзай. – Сколько же побед над собой я совершил, благодаря тебе».

Дарина словно услышала его, вошла в комнату.

– Еле уложила детей спать, – сказала она. – А у тебя усталый вид. Много было работы?

– Много было мыслей, – ответил Рамзай.

– Мысли тоже бывают тяжелыми. Знаю, – сказала Дарина. – Ты беспокоишься о нас. Я всю ночь не спала, думала. И узора не видела. Будущее неизвестно мне, но ты не должен отступать. Ты из тех мужчин, которые не идут проторенными путями, а прокладывают свой путь в жизни. Если хочешь идти быстро, то иди один, протори дорогу другим.

– А если хочешь идти далеко, то иди вместе со всеми.

– Ты не один, – сказала Дарина. – Я всегда с тобой, что бы не случилось.

Рамзай встал, обнял Дарину.

– Знаю, – сказал он. – Любовь твоя придает мне силы и я ни перед чем не отступлю, чтобы наши дети были счастливы. Они должны быть свободными, чтобы найти своё счастье. Найдут или не найдут – это неизвестно, но без свободы они никогда не будут счастливыми.

Глава 3

Весь день Азар объезжал лошадей. Он, как никто другой, понимал, этих прекрасных животных. Более всего они любили свободу, поэтому он не подчинял благородных животных своей воле, а старался с ними подружиться и завоевать их доверие. Он подходил к лошади, наблюдая, как она себя ведёт. Если она беспокойно шевелила ушами, то он понимал, что животное воспринимает его как чужака, а если недовольно фыркала, то видела в нём опасность для себя.

– Я не только твой друг, но и твой защитник, – говорил Азар лошади, которую нужно было объездить. – Вместе мы станем сильнее.

И казалось, что животное понимало его, позволяло одеть недоуздок, а затем покорно шла рядом с ним, останавливалась, когда он останавливался, трогалась с места, когда он начинал двигаться, поворачивала в ту сторону, в которую поворачивал Азар.

Он был бесконечно терпелив, если лошадь чего-то пугалась, то Азар давал время животному успокоиться.

Солнце уже клонилось к горизонту, пора было возвращаться домой. И почти тотчас же Азар увидел скачущего к нему Верного. Какой-то невидимой нитью они были связаны друг с другом: Азару никогда не приходилось звать его, а стоило только подумать о нём и Верный уже мчался к нему. Азар никогда не переставал любоваться красотой бега Верного. Если бы ветер обратился в животное, то он стал бы красавцем-иноходцем Верным.

Ещё недавно он был чёрным жеребёнком на тонких, стройных ногах, а теперь превратился в большого вороного коня с чёрной гривой и блестящими зеленоватыми глазами. Как и Азар, Верный был лидером. У него была своя свита из кобылиц, которые всегда сопровождали его на вольных пастбищах. И все они были преданы ему так же, как Верный был предан Азару. Подскакав к нему, Верный радостно заржал.

– Я тоже по тебе соскучился, – сказал Азар.

У Азара всегда было припасено какое-нибудь лакомство для друга. Он протянул Верному хлебный сухарь, посыпанный солью, который тот принял с достоинством. Азар оседлал Верного, вскочил в седло и неожиданно для самого себя вместо того, чтобы поскакать к юртам, поскакал в степь.

Верный почувствовал настроение Азара и помчался во всю мощь в степную даль. Степь бесконечна и путей в ней много, но каждый путь куда-то приводит. На этот раз путь привёл их к степному озеру. Азар спешился, отпустил Верного, а сам лёг в высокую траву.

Высоко в небе плыли облака и парил сокол: удивительно медленно, полный покоя.

«Животные и птицы, – подумал Азар, – выше человеческой суеты, потому что их жизнь проста и ясна». А в последнее время Азар утратил простоту жизни.

Мир утратил гармонию, когда погибла его любимая Ясмин. Азар не переставал винить самого себя в её смерти. К чему нужно было устраивать эти скачки наперегонки? Её лошадь споткнулась, Ясина вылетела из седла и ударилась головой о камень. Она умерла у него на руках. Он видел, как жизнь уходит из неё, как тускнеют её глаза. Собрав все свои силы, Ясмин смогла вымолвить только одно слово: «Прости».

Он до сих пор не мог понять, почему она произнесла именно это слово. И за что ему её прощать? Ведь он жив, а она в мире теней. Ясмин была чистой радостью, которой она заражала всех окружающих. Он до сих пор слышал её звонкий смех. Если в сиянии ночи возникало её лицо, ночь принадлежало ей одной, а ему – бессоница.

Жизнь может быть очень жестокой, до такой степени жестокой, что человек утрачивает смысл жизни.

Он знал, чего ему не хватает, но полюбить другую, после того, как он испытал любовь Ясмин, было для него невозможно. Жизнь утратила простоту и ясность. И будущее было для него неясным.

Течение его мыслей прервало тихое фырканье Верного, значит, заметил какую-то опасность. Азар вскочил и увидел всадника всадника, едущего в их сторону.

Азар встал и стал ждать, когда чужак подъедет. Оружие всегда было при нём, но никакого беспокойства и тревоги он не чувствовал: те, кто жаждут крови, разбойничают, не путешествуют в одиночку

Незнакомец ехал на превосходной лошади, которой управлял с искусством совершеннейшего наездника.

– Доброго пути тебе, гость степи, – поприветствовал его Азар. – Могу ли я чем-нибудь тебе помочь?

Незнакомец улыбнулся.

– Зови меня Годо, – сказал он. – А как зовут сына славного Тогрула?

Азар не смог скрыть удивления, откуда чужестранцу известно, что он сын Тогрула?

– Не удивляйся, – улыбнулся Годо. – Ты так похож на своего отца, что разумно предположить, что ты его сын.

– Меня зовут Азар, – ответил юноша. – А откуда вы знаете моего отца?

– Встречались, – ответил Годо уклончиво, он соскочил с коня и сел на траву.

Азар последовал его примеру.

– Какой сегодня прекрасный вечер, – сказал Годо.

Азар не мог не согласиться. Солнце скрылось за горизонтом, окрасив в ярко-красные цвета край неба. Летняя жара спала, а лёгкий ветерок принёс долгожданную прохладу.

– А для чего наступает вечер?

– Не знаю, – сказал Азар.

– Днём человек занят хлебом насущным, а вечер для отдыха и раздумий. Некоторые чувствуют неясную тоску, чувства его обостряются и какое-то томление охватывает человека и он стремится в неясную неясность.

«Словно мои мысли читает», – подумал Азар.

– А ты не испытывал неясную тоску по вечерам? Не слышал неясный зов? – спросил Годо.

– Чувствовал, – признался Азар. – Ведь каждый грустит по неизведанному. Мне бы хотелось понимать свои чувства и знать, куда они меня зовут.

– Один человек никогда не видел моря, – сказал Годо, – но слышал о нём. Ему очень хотелось увидеть море, потому что оно похоже на степь. И вот он отправился в путь. Его путь продолжался несколько месяцев. В один прекрасный день он увидел море. Оно оказалось именно таким, как ему его описывали: безбрежным, синим, с белыми барашками волн, с яркими бликами на воде. Он искупался в море, а затем отправился домой. Мечта его исполнилась, но ничего кроме разочарования он не испытал.

– Море его разочаровало? – спросил Азар.

– Нет, не море, а его мечта. Человек увидел море, но ничто не изменилось ни в нём, ни в его жизни. Путь к цели был ярким, полным впечатлений и море было всего лишь одним из впечатлений. Ты не хочешь узнать, кто был этим человеком?

– Так ты его знаешь?

– И ты его знаешь, – ответил Годо. – Этим человеком был твой отец. Вот там у моря мы с ним и встретились. Он не знал, что ему делать дальше. Я ему сказал, что истинная цель человека находится в нём самом. Что не нужно отправляться в дальние путешествия, чтобы найти свое счастье. Тогрул вернулся домой и стал вождем дагайцев. Он прекратил стычки между кланами, объединил все родовые племена в один народ.

– Значит, цель жизни находится в самом человеке? – переспросил Азар. – А как насчёт чувств? – спросил Азар. – Почему человек то радостен, то грустен?

Годо улыбнулся.

– Ты чувствуешь прохладу, которую приносит каждый порыв ветра?

– Чувствую, – ответил Азар.

– И я чувствую, но ветру нет дела ни до меня, ни до тебя. У него своё предназначение. Он гонит облака, сталкивает тучи. Он даже не знает ничего о нашем существовании. А вот и ты, и я чувствуем ветер, но ведь мы над ним не властны. Во власти человека только его собственная жизнь. Источник веселья и тоски в самом человеке. Если он доволен жизнью, то радостен, если жизнь его не радует, то он тоскует и печалится.

– А как узнать своё предназначение? – спросил Азар.

Он понял, что перед ним человек полный мудрости и ему хотелось получить ответы на вопросы, которые давно его мучали.

– Не все ищут своё предназначение. Многие живут так, как жили их предки, идут проторенным путем. К неизведанному устремляются единицы. Сила, живущая в них, не дает им покоя, заставляя искать новые пути в жизни. А ты можешь жить, как жили предки, или устремиться к неизведанному. Если в тебе есть мужество устремиться в неизвестное, ни на кого не опираясь, ни за кем не следуя, просто выходя в тёмную ночь, не зная, достигнешь ли чего-нибудь или погибнешь, то в тебе есть мужество. Выбирай, какую жизнь ты предпочтешь?

– Я бы выбрал неизведанное, – твердо сказал Азар, – но как в неизвестном найти свой путь?

– Разумом, – ответил Годо. – Источник всякого движения человека – мысль.

– А что такое мысль? – спросил Азар.

– Мысль – это жизнь. Вон видишь чёрные тучи на горизонте?

– Вижу, – сказал Азар.

– И что предвещают эти тучи?

– Дождь, – сказал Азар. – Скоро ветер их пригонит сюда и начнется сильный дождь.

– Вот тебе и пример мысли. И что нам делать?

– Поскакать к стойбищу, там мы укроемся от дождя.

– Вот мысль тебя и направила домой, – улыбнулся Азар.

Они вскочили на коней и направились к стойбищу.

– А связаны ли мыслью с чувствами? – спросил Азар.

– У тебя пытливый ум, – сказал Годо. – источник всякого движения – мысль, а источник всякой мысли – неудовлетворенность собой.

Азар подскакал к белой юрте, спешил. Отец поджидал их у юрты, дозорные уже доложили вождю, что чужестранец появился в их краях.

– Время над тобой не властно, Годо, – сказал Тогрул, увидев его. – Для меня великая честь принимать того, кто властвует над временем. Сейчас я распоряжусь, чтобы все готовились к великому пиру в честь тебя.

– Да и ты мало изменился Тогрул, – сказал Годо. – Все тот же молодой блеск в глазах. Не знаю, будешь ли ты рад, когда узнаешь, о цели моего приезда.

– Войдем в юрту, как я понимаю, разговор только между нами.

Они вместе с Годо вошли в юрту. Тогрул усадил на почетное место, а сам сел напротив.

– Что же случилось в этом бренном мире, что тебе понадобилась помощь? – спросил Тогрул.

– Каждый год человечества – это шаг к грядущему, но мир не становится лучше, – ответил Годо. – Всё так же льётся кровь невинных, но люди не перестают работать и их воля к жизни не ослабевает.

– В жизни нет пустых и бесполезных лет, – согласился Тогрул. – Даже пустота полезна.

– Ты стал истинным философом.

– Всего лишь жизнь научила мудрости.

– Все в этом мире находится в равновесии – безумие наполовину состоит из мудрости, а мудрость из безумия. Однако появилась сила, которая может нарушить это хрупкое равновесие.

– И чем я могу тебе помочь? – спросил Тогрул.

– Не ты, твой сын.

Тень мелькнула на лице Тарагая и тут же исчезла.

– Я всегда знал, что наступит день, когда Азар покинет нас. Готовился к нему, но одно дело знать, а другое – принимать это за совершившийся факт. И какой же силой владеет мой сын?

– Он противоположная сторона силы. И сила всегда находит силу, ведь ты знаешь, что это неизбежно.

– Вот оно значит как, – опечалился Торогул. – Я надеялся, что единственная противоположной силой, которая будет ему противостоять будет сила женщины.

– Этого ему тоже не избежать, – улыбнулся Годо.

– Увижу ли я его ещё или навсегда он меня покинет? – спросил Торогул.

– Настолько далеко я не вижу, – ответил Годо. – Я знаю лишь одно, что ты воспитал достойного сына.

– И все-таки пир будет, – решил Тогрул. – Мой сын отправляется в трудный путь и я желаю, чтобы прощание с родной землей запомнилось ему не слезами прощания, а радостным пиршеством.

Глава 4

Айсу проснулась с каким-то радостным чувством, непонятным для неё самой.

Она как будто увидела другой мир, который дотоле был скрыт от неё. Всё вокруг преобразилось: деревья, цветы, небо, солнце. Неужели она полюбила? Даже самой себе ей не хотелось признаваться. Ей было стыдно своих мыслей. Стыдно и радостно.

Более всего ей хотелось с кем-то поделиться своими мыслями и чувствами. Сейчас придёт Версавия – её единственная подруга, но поговорить не удастся, пока не закончится дуэль с Сархадом. Но ничего. Эта дуэль долго не продлится.

Версавия. При мысли о подруге она улыбнулась. У Айсу никогда не было подруг, а вот тех, кто её тайно ненавидел было много. В открытую свою неприязнь к ней никто не решался высказать, опасаясь её острого язычка и лишь одна Версавия соперничала с ней во всём.

– Ты знаешь, почему мы с тобой враги, – спросила её однажды Айсу.

– Нет, – ответила Версавия.

– Это потому, что мы с тобой стремимся быть во всем первыми. И ведь ты не любишь тех, кто добивается больших успехов, чем ты.

Захваченная врасплох, Версавия подтвердила правоту Айсу.

– И надеюсь, что ты теперь понимаешь, почему мы должны стать друзьями, – спросила Айсу.

– Нет, не понимаю, – совсем растерялась Версавия.

– Это же так просто, мы обе с тобой красавицы, обе не терпим соперниц, обе стремимся к совершенству. Мы так с тобой похожи, что не можем не стать подружками, – сказала Айсу.

– А как же соперничество?

– Нет между нами никакого соперничества. Мы его придумали. Если мы полюбим одного и того же мужчину, только тогда станем соперниками, но моё сердце свободно, а твоё?

– И моё, – ответила Версавия.

С тех пор они стали подругами. С каждым днём их дружба только крепла, ибо обе были честны друг с другом, умели ценить преданность и искренность. К тому же обнаружили, что они одинаково мыслят и чувствуют.

Айсу стала готовиться к поединку. Надела рубашку и брюки, взяла шпагу и выполнила несколько движений.

Тут вошла Версавия, взглянула на неё и сказала:

– Выглядишь очаровательно, тебе даже шпага к лицу. Где наш жених?

– Уже дожидается в саду. В окно его видела.

– А ты чего так сияешь, словно у тебя свидание, а не дуэль?

– Позже расскажу, – ответила Айсу.

Они вышли в сад. Сархад нетерпеливо мерил шагами патио: ему не терпелось проучить Айсу, преподать ей урок.

– Всё, что здесь произойдет, останется между нами, – сказала ему Айсу. – И Версавия будет хранить молчание.

– К чему ты мне это говоришь? – удивился Сархад.

– Никто не узнает, что ты потерпел поражение, – объяснила ему Айсу.

– Вот как, – усмехнулся Сархад. – Мне по нраву твоя уверенность и непокорность, но мне ты покоришься. Разве ты устоишь против моей силы?!

Противники стали в исходную позицию. Сархад улыбался и держал шпагу небрежно. Отметив, где стоит Сархад, Айсу опустила глаза, затем бросилась вперед и неуловимым движением вышибла шпагу из рук Сархада.

Сархад перестал улыбаться.

– Команды к бою не прозвучало, – сказал он, – поэтому я был не готов.

– Хорошо, – согласилась Айсу. – Версавия подаст команду.

На этот раз Сархад крепко держал шпагу и весь был напряжен. Версавия подала команду к бою и в следующее мгновение шпага Айсу остановилась в сантиметре от шеи Сархада.

Юноша побледнел.

– Начнем сначала, – сказал он. – Ты слишком стремительна, на этот раз я все учту.

– Хорошо, – согласилась Айсу.

Версавия вновь подала команду к бою, Айсу осталась неподвижной. Сархад бросился вперед, направив шпагу в грудь девушки, но Айсу уклонилась и на этот раз не пощадила Сархада. С такой силой вонзила шпагу в живот Сархада, что он согнулся пополам от боли.

– Хорошо, что шпага не боевая, – сказала Айсу. – Обещаю, что никому ничего не расскажу. Можешь сказать всем, что я слишком своенравная и ты сам отверг меня.

Сархад, бледный от боли, только кивнул.

– Я буду молчать, Сархад, потому что не желаю, чтобы твоя семья стала врагом моей семьи, но если ты хоть что-то предпримешь, то я тебя сделаю всеобщим посмешищем.

Айсу вместе с Версавией вошли в дом, оставив Сархада в саду.

– Мне даже жалко его стало, – сказала Версавия.

– Кто-то же должен был его когда-нибудь проучить, – усмехнулась Айсу. – Но ты зря его жалеешь. Лучше пожалей ту, на которой он выместит своё зло.

– Уже жалею, – сказала Версавия, – но у каждого человека своя судьба.

– Своя, – согласилась Айсу, – но я предпочитаю быть хозяйкой своей судьбы, властвовать над своими мыслями и не позволять желаниям управлять мной. Правда, лишь над любовью я не властна.

– Что?! Ты влюбилась? Кто он? – засыпала Версавия её вопросами.

– А ты никому не расскажешь? – спросила Айсу.

– Нет, – заверила её Версавия, – потому что я тебе тоже расскажу свою тайну.

– Это разумно, – рассмеялась Айсу. – Мы скрепим дружбу взаимной тайной.

Айсу рассказала Версавии о том, что произошло, завершив рассказ фразой:

– У меня такое ощущение, Версавия, словно я пробудились ото сна. Мне хочется дать волю чувствам.

– И мне, – призналась Версавия. – Я-то точно знаю, что влюблена, но не знаю, будем ли мы когда-нибудь вместе.

– Почему?

– Он живет далеко. Мы видимся во снах, но от этого легче не становится.

– А кто он? – спросила её Айсу.

– Музыкант. Слышала бы ты его песни, его музыку, перед которой не устоит ни одно сердце девушки. Я влюбилась сначала в его музыку, а потом уже в него. Потому что музыка – это его душа.

– Ты его призовешь? – спросила Айсу.

– Нет, – ответила Версавия. – Здесь он будет несчастным. А ты своего призовешь?

– Не знаю, – сказала Айсу, – чувствую, что нелегко его будет покорить.

– Какой интерес представляет мужчина, которого не нужно покорять! – возразила Версавия. – И мужчина должен доказать, что он сильнее тебя.

– Если он сильнее, то как он покорится? – улыбнулась Айсу.

– Ты покоришь его своей красотой и нежностью, а он должен проявить силу духа, доказывая, что достоин твоей любви.

– Я ещё не встречала мужчины сильнее себя, – сказала Айсу.

– Уже встретила, – возразила Версавия. – Любовь открывают сердцем, а не разумом.

– А как же понять, что это любовь? – спросила Айсу.

– Любовь пробуждает в нас женищину. Когда я встретила Омара, то из моей жизни исчезла пустота, но, увы, меня мучает неизвестность, а иногда даже отчаяние. Я то смеюсь, то плачу. Иногда верю, что у нас все будет хорошо, а иногда впадаю в отчаяние. Ведь здесь он будет рабом, а к нему я не решаюсь отправиться. Дарина сказала, что мы с Омаром связаны узором жизни, что нам суждено быть вместе, но не сказала, что для этого нужно делать.

– Вот как! – рассердилась Айсу. – Ты призналась Дарине, а своей единственной подруге не открылась.

– Не сердись, – сказала Версавия, – мне и без того тяжело. И я не открывалась Дарине, она сама все поняла. Ты же знаешь, что таков её дар.

– Уже не сержусь, – улыбнулась Айсу, – но за свою любовь нужно бороться. Счастье само собой в руки не придет. Если чего-то желаешь, то нужно действовать.

– Я не столь смелая, как ты, – ответила Версавия.

– Мы что-нибудь придумаем, – заверила подругу Айсу, – но мне нужно убедиться, что и он полюбил меня.

– А если он тебя не полюбил? – решила подразнить подругу Версавия.

– Тогда он об этом горько пожалеет, – ответила Айсу.

Глава 5

Они выехали на заре. Вся семья провожала их в дальний путь. Азар обнял сестёр, мать, отца, вскочил в седло и Вороной сам пустился вскачь – прощание не должно быть долгим.

Некоторое время ехали молча, а затем Азар спросил:

– И куда мы держим путь?

– В Тенгриз, – ответил Годо.

– Мне знаком только мир дагайцев, – сказал Азар. – А что нас ждет в стране, куда мы направляемся?

– Человек не знает, что его ждет, пока не наступит будущее, – ответил Годо.

– Да, – согласился Азар. – Будущее нам неведомо, но ведь что-то ведет нас в эту страну?

– Могу только сказать, что со временем ты получишь ответы в своё время, а пока нам предстоит нелегкий путь, – сказал Годо.

Они скакали, пока сумерки не опустились на землю. Расседлали лошадей, отпустили их на волю, зная, что те сами о себе позаботятся. Костёр разжигать не стали. Поужинали вяленным мясом, лепешками, запили все кумысом.

Завернувшись в одеяло, Азар лёг на траву и мгновенно уснул. «Молодость, – подумал Годо. – И сон приходит мгновенно, когда ничто не печалит его душу».

И вновь Айсу вошла в его сон, разбудив его поцелуем. Желая оставаться невидимой, она по-прежнему была в образе змеи.

– Я ждал тебя, храня вкус твоего поцелуя. Он не забываем, – сказал Азар.

– Ты так говоришь, потому что желаешь избежать смерти, – сказала Айсу.

– Разве поцелуй прекрасной девушки может быть смертельным? – спросил Азар.

На мгновенье Айсу утратила дар речи.

– Так ты видишь меня такой, какая я есть?

– Да, – сказал Азар.

Тень печали мелькнула на лице Айсу.

– Ты опечалена тем, что я увидел прекрасную девушку, а не змею?

– Нет, – ответила Айсу. – Я опечалена тем, что мы можем с тобой встречаться только во снах, а сон – это не жизнь. Я такая же реальная, как и ты, но живу в другом мире, куда тебе нет доступа. Ты останешься моим до тех пор, пока сердце твое будет принадлежать мне. Если ты полюбишь другую, то ты умрёшь. Я одна во множестве. Ты будешь жить до тех пор, пока все красавицы мира для тебя будут мною. Если я буду затмевать их своей красотой. Если ты будешь видеть их красоту, но поклоняться только мне.

– Мужчина изменчив, – возразил Азар. – И жизнь изменчива. Ведь твоя красота не вечна.

– У каждой женщины есть нетленная красота – её душа, но редко встречается мужчина, которая может видеть эту красоту. Мужчина, умеющий видеть красоту женщины, всегда счастлив. Я ещё не знаю, умеешь ли ты видеть истинную красоту.

– Я умею видеть истинную красоту.

– Тогда ты будешь страдать.

– И за что я должен страдать? – спросил Азар.

– За мои мучения, – ответила она. – Ты не знаешь, какие муки испытывает женщина, лишённая любви. Брошенная женщина. Ты ответишь за муки всех женщин, ибо я одна во множестве, но и ты один во множестве. Так распорядилась судьба. Нам не суждено быть счастливыми.

– Красота жестока, – сказал ей Азар.

– Это ещё почему? – спросила она.

– А ты спроси, как страдают отвергнутые тобой поклонники. Они все расскажут тебе о твоей жестокости.

– Ты невозможен, – сказала она. – Все переиначиваешь. Они страдают не из-за меня.

– А из-за чего? – спросил Азар.

– Из-за собственного несовершенства. Совершенная красота нуждается в совершенном мужчине.

– А ты остра на язык.

– А ещё я так хороша собой, что даже моя тень и та прекрасна, – сказала Айсу.

– Ты хочешь, чтобы я тебе поклонялся, как богине? – спросил он.

– Как умной и красивой богине, – подтвердила его слова Айсу.

– Что ж, я согласен, – сказал Азар. – Твоя красота вечна, потому что ты – постоянно меняющееся совершенство. Ты останешься навсегда для меня богиней, но женюсь я на другой красавице.

Он знал, как ей ответить, чтобы свергнуть её с пьедестала. Айсу задохнулась негодованием. Покраснела. И не найдя, что ответить, прервала контакт. «Каков негодяй!» – в обиде то ли на него, то ли на себя, повторяла она.

Однако, ей вновь захотелось увидеть Азара. Она не могла противостоять своему желанию.

– Снова ты, – удивился он.

– Снова я, – ответила она. – Почему ты так удивлен? Я вольна в своих желаниях. Бывает, что и святые снизсходят до любви простого смертного.

– Ты сказала – до любви? – удивился он. – Что ж, почту за честь.

Айсу покрылась краской стыда. Как же она допустила такой промах, как же она проговорила. Если бы он не продолжил говорить, то она бы исчезла и вряд ли когда-нибудь он снова увидел её. Во всяком случае, это случилось бы нескоро.

– Ты так прекрасна, – сказал он. – Я никогда не видел такой красоты. И ты так реальна, хотя и снишься мне. Я даже ощущаю исходящий от тебя аромат.

Айсу польстил его комплимент: он считает её самой красивой девушкой на свете.

– Нас разделяет время и расстояние, – сказала она. – Если ты сумеешь меня отыскать, разгадать мою тайну, то ты получишь мою любовь. Так я решила.

Азар проснулся с первыми лучами солнца, но Годо опередил его. Он уже разжег костёр. В подвешенном над костром котелке булькала вода. Увидев, что Азар проснулся, Годо снял котёлок с огня, разлил его содержимое по деревянным чашкам и одну из них подал юноше.

Азар осторожно глотнул горячую жидкость янтарного цвета. Вкус был необычным.

– Что это за напиток? – спросил он, сделав глоток.

– Чай, – ответил Годо. – Прекрасный бодрящий напиток. А чему ты улыбаешься?

– Мне приснился удивительный и прекрасный сон. Вспоминаю его и улыбаюсь, – сказал Азар.

– А ты уверен, что это был сон? – спросил Годо.

– Конечно. Неужели я не могу отличить реальность от сна.

– Задумывался ли ты о том, кто сочиняет твои сны?

Азар задумался.

– Наверное, мы сами.

– Вот тут ты прав: и сон, и жизнь – это все ты же сам. Правда сны удивительным способом связаны с реальностью, а некоторые связаны с реальностью настолько, что сбываются.

– Хотел бы я, – сказал Азар, – чтобы этот сон непременно сбылся.

– Это зависит от тебя, – заверил его Годо. – Что пожелаешь, то и сбудется, но только нужно отличать иллюзию от реальности.

– И как же отличить?

– Иллюзия не связана с законами жизни. Она их нарушает, а реальность строго следует законам жизни, даже если человек им не следует.

– А если человек не следует законам жизни, то он живет в мире иллюзии, – сказал Азар.

– Ты прав, – улыбнулся Годо. – Не отнять у тебя способность здраво мыслить и видеть суть вещей.

– Годо, а существуют иные миры? – спросил Азар. – Я не говорю о других землях, где живут народы со своими обычаями, я не говорю о жизни на далеких звездах. А существует ли мир, который мы не видим, лишь иногда чувствуем его, но не можем проникнуть в него, ибо там иная жизнь.

– Любая вещь, – ответил Годо, – существует реально и нереально. В нереальности она не имеет плоти. Ты видел свою душу?

– Нет.

– Но она существует. В мире духа она существует как мысль и чувство, а реальность – это её воплощение. Косточка персика хранит в себе мысль о персиковом дереве. Но разбей ты эту косточку, персикового дерева не обнаружишь. Лишь посаженное в землю, соединившись с землей, светом, водой, она произрастет в персиковое дерево. Учись соединять, связывать все силы в единое, тогда познаешь другой мир. И хватит разговоров. Нам пора в путь.

Глава 6

Хазрат восседал на троне. Он был стар, но ещё крепок. Высокий лоб, глубоко запавшие щеки, глубокие морщины вокруг глаз. Более всего поражали его глаза. Это были странные глаза. Они казались чёрными, непроницаемыми, но они могли превратиться в черноту столь далёкую и глубокую, что смотрящего неумолимо затягивало в эти два омута бесконечный ночи и человек вдруг оказывался в крошечной тьме, куда никогда не проникал свет солнца. Из этой темноты ему уже никогда не было выбраться.

Правитель высокорожденных был хмур и серьёзен. По обе стороны от Хазрата сидели главы семей с такими же серьёзными лицами.

Рамзай знал, что многие желают, чтобы в поединке он одержал победу над Хазратом. Особенно Шариф, которого в свое время точно так же сместил с поста правителя Хазрат. Высокорожденные никогда не прощали нанесенную им обиду, хранили её в себе и ждали, когда наступит подходящее время для мести.

Хазрат долго смотрел на Рамзая. И наконец заговорил. Говорил он негромко, но все его слышали, ибо была гнетущая тишина.

– Итак, ты мне бросаешь вызов, – заговорил он. – Уж так устроен мир, что человек во все века стремился к власти. И я за это тебя не осуждаю, Рамзай. Управлять, повелевать тем, кто подобен тебе, не это ли проявление силы высокорожденного. Именно стремление к власти является источником развития человека – бесконечно перемещаться вверх, к высотам власти, к вершинам человеческого самоутверждения. За это я бы тебя не осудил. Я осуждаю тебя за иное: за то, что ты решил нарушить естественный порядок. За то, что ты решил покончить с могуществом высокорожденных.

Главы семей при этих словах утратили своё торжественное спокойствие.

– Да, да, – возвысил свой голос Хазрат. – Рамзай задумал уравнивать в правах бастардов и, вы подумайте, наших рабов. И будет раб равен своему господину.

Все загудели, зашумели. Кто-то выкрикнул: «Предатель!». С самого начала всё пошло не так, но Рамзай сохранял своё спокойствие.

– Так что же ты скажешь, Рамзай? – спросил Хазрат.

– Ничто так не развращает человека как вседозволенность, – заговорил Рамзай. – Высокорожденные стремятся только к удовольствиям, изыскивают все новые и новые способы наслаждения, ни в чем никогда себя не ограничивая. Все наши помыслы направлены на удовлетворение желаний и страстей. И что же произойдёт, если мы и далее будем так жить? Мы ослабнем и станем лёгкой добычей для наших врагов. Мы слишком зависимы от наших рабов.

– Вон оно как оказывается, – усмехнулся Хазрат. – Освобождая рабов и уравнивая их с высокорожденными, ты, значит, проявляешь о них заботу.

– Да, – твердо сказал Рамзай. – Продолжая жить так, как мы живём, мы разрушим себя изнутри. Мы движемся к упадку. Высокорожденные слабеют и становятся зависимыми от рабов, а вся созидательная сила сосредоточенна в народе. Нельзя народ держать в узде, рано или поздно он порвет свои оковы. Свобода нужна прежде всего нам самим, чтобы в борьбе с равными утверждать свое превосходство. Рабство – это наш страх, что кто-то окажется сильнее нас.

– Ни одно событие само по себе не происходит. Всегда есть причина возникновения того или иного события, явления. Ищи причины, понимай причины, и ты поймёшь суть происходящего, – сказал Хазрат, выслушав Рамзая. – И знаете, я соглашусь с Рамзаем, мы губим самих себя развратом и праздной жизнью. Этому нужно положить конец.

Снова все недовольно загудели, но Хазрат призвал всех к спокойствию:

– Сначала дослушайте меня, а уж потом будете выражать своё недовольство. Над нами нависла смертельная опасность. Сейчас я вам её покажу.

Хазрат открыл часть своего сознания и все высокорожденные увидели то, что видел и он: огромную флотилию, строящиеся корабли, множество воинов, совершенствующих своё искусство в схватках друг с другом.

– Через несколько месяцев стотысячное войско правителя Тенгриза нападет на нас, – продолжил Харзат. – И я более чем уверен, что мы потерпим поражение.

Эта новость поразила всех. Повисла тишина.

– Что же нам делать? – спросил Шариф. – Освободить рабов, чтобы они сражались за нас?

– Нет, – твердо ответил Хазрат. – Ибо есть закон мироздания, и он гласит: «Каждый должен знать свое место». Империя Тенгриза – наш самый грозный враг, но если правитель Тенгриза внезапно умрёт, то войны не будет. Со смертью правителя возникнет борьба за власть. И лишь в этом наше спасение – в глупости тех людей, которые разрушат великую империю, погрязнув в войнах друг с другом. И вот тут-то мы не должны будем упустить свою выгоду: мы должны поставить во главу, если не всех, то некоторых государств, которые возникнут при крахе империи, своих людей. По одиночке мы справимся со всеми. Пока вы проводили время в веселье, я неустанно трудился и подготовил почву для реализации этого плана. Я спасу Хазарстан, но взамен я требую абсолютной власти.

Снова возник недовольный гул. Абсолютной власти, чтобы кто-то был выше самих Высокорожденных? Высокорожденные признавали только силу. Они считали, что управлять государством должен тот, кто обладает большей силой. Но только управлять, а не возвышаться над всеми.

– Вы думаете, что я держусь за власть?! – воскликнул Хазрат. – Нет. Для меня важнее, чтобы высокорожденные властвовали в мире и ничто не угрожало нашему величию. Во главе может стать любой, кто будет следовать нашим законам.

– А для чего же тогда тебе нужна абсолютная власть? – спросил Шариф.

– Для того, чтобы прекратить тот блуд и разврат, которые стали нормой нашей жизни. В этом Рамзай прав – так мы погубим себя, а мы должны быть сильными. Сила людей в единении, – сказал Хазрат. – Нет единения – меньше сил. Мы не должны допустить образования сильных государств, которые уменьшат наше влияние и будет угрозой нашему существованию. Мы должны использовать все возможные способы достижения власти, но главным для нас должен быть девиз: разделяй и властвуй. Никогда не вступайте в открытое столкновение с врагом, но сделайте всё, чтобы конфликт разгорелся, а потом поддержите того, кто будет нам служить. Власть – это богатство и благополучие. И не важно, как мы её достигнем. Но сами мы должны развиваться. Интеллектуальная власть эффективнее, чем грубое насилие. Способность спланировать, организовать, добиться цели неизмеримо выше грубой физической силы. Наша политика – война во всем мире и мир в собственном государстве. Войны будут ослаблять наших врагов, а нас обогащать. И наступит такое время, когда мы будем править всем миром. Разумеется, я не призываю отказываться от удовольствий жизни, но во всем должна быть мера. Так что скажите, Высокорожденные? Какое примите решение?

В зале заседания повисла тишина. Первым её нарушил Шариф.

– Всегда нашим государством управлял тот, кто обладает высшей силой. И закон, согласно которому любой из Высокорожденных может бросить вызов правителю, должен свято соблюдаться, – сказал он. – Пусть правитель обладает всей полнотой власти, лишь бы это было во благо Хазарстану.

Шариф знал, что делал: Хазрат не забудет, кто первым его поддержал. Вслед за Шарифом все остальные главы семейств выразили свое согласие предоставить Хазрату абсолютную власть. Впрочем, иного выхода у них не было.

Хазрат склонился в поклоне перед главами семейств.

– Благодарю вас, Высокорожденные, – затем повернулся к Рамзаю. – Ты, Рамзай, приговорен к изгнанию, Рамзай. В изгнание тебя проводят ста ударами плетью и бросят на краю Мёртвой пустыни. Как видишь, мы милосердны, мы решили сохранить тебе жизнь.

Однако каждый понимал, что если даже Рамзай выдержит ста ударов плетью, то он погибнет от жажды и голода на краю Мёртвой пустыни. Его обрекли на мучительную смерть. Рамзай молча выслушал свой приговор.

Хазрат кивнул своему сыну Сархаду, стоявшему у дверей зала заседаний. Тот отворил дверь и в зал вошла стража, которая окружила Рамзая.

Его вывели из зала заседаний под гробовое молчание. Высокорожденные только сейчас осознали, что означает абсолютная власть для них самих, поняли, что Хазрат все спланировал заранее, правда, теперь они могли только лишь смириться, но ничего изменить уже не могли.

Глава 7

На следующий день Азар и Годо добрались до величественного леса. Глядя на высокие деревья, которые росли столь плотно, что их ветви переплелись меж собой, Азар понял, что не зря его считали непроходимым.

– Мы должны отпустить своих коней, – сказал Годо, спешившись с коня. – Им не пройти через этот лес.

Азар снял седло с Верного, затем потник, уздечку. Они посмотрели друг другу в глаза. Верный печально заржал, поняв, что хозяин прощается. «Возвращайся домой, ты свободен», – сказал ему Азар, повернулся и зашагал к лесу.

Они вступили в лес. Дневной свет, многократно преломлённый и отражённый листвой, еле пробивался к земле. Годо шёл впереди, отыскивая проход между деревьями.

Здесь царила тишина, лишь изредка вскрикивала какая-то птица, да с хрустом ломались сухие ветки, когда они ступали на них.

Через некоторое время идти стало легче. Вокруг были редкие зеленеющие деревья, а больше стало высохших деревьев. На многих деревьях висели гирлянды серых и серебристых лишайников. То и дело попадались сломанные деревья, их повалил сильный ветер, когда они ослабли, сгнив изнутри. Везде пахло гнилью, тлением и мрачно становилось на душе.

Впереди сквозь деревья Азар увидел трехцветное пространство: вверху лазурное небо, на горизонте синеющая стена леса, а перед ними жёлтое болото.

– Не повезло нам, – сказал Годо. – Обходить его, значит, потерять слишком много времени. Придется слегка замочиться.

Годо ступил на первую кочку, перепрыгнул на другую, затем обернулся и спросил:

– Так ты идёшь?

Азар ничего не ответил. Он срезал длинную крепкую палку, получше устроил за спиной мешок с вещами и полный решимости, ступил на болото. Кочки под ним оседали и колебались, но он довольно быстро освоился, равномерно распределял вес тела. Нащупывал палкой одну кочку, ступал на неё и пока вместе с кочкой проваливался в болото, успевал найти другую кочку и перебирался на неё. Это было тяжело, трудно, утомительно.

Годо был далеко впереди, он шёл не оглядываясь, а вскоре и вовсе исчез из виду.

Неожиданно кочка, на которую ступил Азар осела настолько, что он по самые плечи провалился в жижу. В последнее мгновение он успел положить палку поперек и лишь она удерживала его на поверхности.

Азар не знал, что ему делать. Любое движение только ухудшило бы его положение.

Вдруг он почувствовал, что голову сдавило, будто гигантская рука сжала виски. В мозгу прояснилась и он увидел Верного, скачущего по степи. А затем яркими вспышками вся его короткая жизнь пронеслась перед его мысленным взором. И после он увидел безжизненные белесые глаза без зрачков.

Ему стало холодно, более сильного и более мучительного холода он прежде никогда не чувствовал. Холод, тоска и одиночество.

– Одна минута обладает все полнотой жизни, – услышал Азар глухой могильный голос. Лица он не по-прежнему не видел, а только глаза. – Ты знаешь, что делает жизнь бесценной?

– Нет, – ответил Азар.

– Смерть! – услышал он жуткий смех. – Ведь ты же однажды испытал боль утраты. А как несправедливо умирать молодым, не успев насладиться жизнью, но тебе не обязательно умирать, Азар. Ты хочешь, чтобы болото отпустило тебя?

– Что я должен делать? – спросил он.

– Служи мне, подчинись мне. Вернись домой и не продолжай свой путь. И болото отпустит тебя.

– Я никому не служу, – возразил Азар с яростью. – И если даже мне суждено умереть, то умру с достоинством.

Ярость, а не страх охватила Азара. Неимоверная ярость на существо с белесыми глазами, на болото и на самого себя. И с этой яростью в него хлынула сила. Он купался в океане энергии. Никогда он не ощущал в себе столько жизни. Эта сила вырвала его из болота и он ринулся вперёд, отбросив палку. Какая-то неведомая сила придала ему решительности и уверенности, что-то внутри ему подсказывало, куда поставить ногу, чтобы не провалиться в болото. И лишь когда он добрался до суши, эта сила оставила его. Он рухнул на траву возле Годо, который жарил мясо на костре. Ароматный, восхитительный запах витал в воздухе.

– Я вот тут размышляю, что является подлинной жизнью для человека? Ведь жизнь должна доставлять человеку радость. Ему хочется любить, радоваться жизни. К чему ему все эти опасности, борьба? Ты чуть не погиб, Азар. Быть может, желаешь вернуться домой? Зачем тратить свои лучшие годы на борьбу: ведь этот мир все равно не изменить. Он развивается сам по себе, по своим законам, неподвластным человеку.

– Мой отец говорит, что любая большая река образуется из маленьких ручейков. Жизнь человека, что ручеек, пусть он вливается в большую реку, но течёт по своему руслу, – ответил Азар.

– Тогрул – мудрый человек, он понимает, как устроен этот мир и видит свой путь, – сказал Годо. – А молодые люди не знают этого мира, ведь мудрость и знания приходят лишь с годами. Ты не боишься заплутать?

– Годо, – сказал Азар, – Я молод и глуп, но ведь это не беда. Думаю, что к концу жизни я наберусь мудрости. И ты лукавишь: ведь я следую за тобой.

– Да, ты прав, но весь этот разговор к тому, что ты волен в своих поступках. Ты можешь не следовать за мной, а можешь следовать, но по внутреннему своему чувству. В нашем мире существует неопиcуемая сила, которая называется намерением. Нужно понимать намерения мира и следовать им. Ты лишь часть намерения, ты ему не можешь противодействовать, но можешь содействовать. Приложишь свою силу в сторону намерения и твои силы сами увеличатся. Ведь ты сольешься с намерением. У части нет смысла, только у целого, – сказал Годо.

– Так, значит, нет смысла в жизни отдельного человека? – спросил Азар

– Почему же нет, – удивился Годо. – Смысл в том, чтобы стать частью целого и жить в любви.

– А как стать частью целого?

– Идти истинным путем, не подчиняясь низменным страстям и желаниям, крепить свой дух. Ведь почти все проблемы человека – это проблемы его духа, а не мира вокруг. Сильный духом человек выходит за пределы обычного существования и встречает истинную любовь.

– Как все-таки сложна жизнь, – вздохнула Азар. – А как же понять, что ты идёшь истинным путём, если ты ещё не окреп разумом?

– Что разум человеческий! – воскликнул Годо. – Разве он может объять весь мир, чтобы все понять. Но то, что лежит за разумом, позволяет понять чувство. Чувства редко обманывают человека. Почти никогда, если человек искренен с самим собой. Разум не так уж важен, как это принято считать. Разум не играет большую роль в выживании. Инстинкт самосохранения играет гораздо большую роль. Насекомые, у которых неисчислимое количество врагов, выживают пользуясь лишь одним своим оружием – плодовитостью. Так и отсталые народы плодовиты, ибо жизнь трудна, смертность высока. Ими руководит инстинкт выживания, сохранения своего народа, к которому они принадлежат. Ну вот мясо готово. Есть будешь?

– Буду! – сказал Азар. – Вот только приведу себя в порядок.

– Вот и хорошо, – сказал Годо, – а после ужина займемся твоим обучением.

- Обучением? И чему же ты собираешься меня учить? – спросил Азар.
 - Ты увидишь другой мир, о существовании которого ты меня спрашивал.
- Азар сразу же вскочил:
- Тогда нужно побыстрее покончить с ужином.
- Годо только улыбнулся: как нетерпелива молодость.

Глава 8

Самое главное было позади, но полного удовлетворения Хазрат не чувствовал: ему нужна была полная победа.

Когда он в сопровождении конной охраны подъехал к дому Рамзая, то все слуги уже выстроились для его встречи. Хазрат вышел из кареты, окинул их взглядом: Айсу среди них не было. Он ткнул в грудь ближайшего к нему слугу и сказал:

– Проводи меня к Айсу.

Стража хотела было двинуться за ним, но Хазрат не оглядываясь бросил:

– Не думаю, что в этом доме кроется какая-то опасность для меня. Ждите меня здесь.

Айсу он нашёл в саду. Хазрат желал видеть её плачущей, но глаза Айсу были сухи, лишь суровое лицо говорило о том, что всё ей известно.

– Ты унизила моего сына, – сказал ей Хазрат.

– А ты обрёк моего брата на мучительную смерть, – ответила она.

– Не я, а он сам, – возразил Хазрат. – Он сам выбрал свою судьбу. Никто, даже я, не властен над высокорожденным.

– Что из того? Ты воспользовался его благородством.

– Я воспользовался его глупостью. Он мог бы все отрицать, но не стал. Он слишком прямодушен. У него доброе сердце, а это для правителя скорее недостаток, чем достоинство.

– Ты пришёл, чтобы оправдаться?

– Нет, я пришёл, сказать, что через месяц ты выйдешь за Сархада.

– Этого никогда не будет, – ответила Айсу.

Хазрат улыбнулся.

– Сто ударов плетью – это очень много. Для многих людей – это верная гибель, но, если бить не в полную силу, то человек выживет. И только от тебя зависит: будет ли жить твой брат или умрёт. Если согласишься выйти замуж за Сархада, то увидишься с братом и сможешь оказать ему помощь, прежде чем он отправится в изгнание.

– Будет несчастен человек, который заявляет свои права на то, что не может ему принадлежать, – сказала Айсу.

– Ты мудра, – улыбнулся Хазрат. – Я очень доволен, что у моего сына будет такая умная, красивая жена.

– А то, что он будет со мной несчастен, тебя не заботит?

– Значит, такова его судьба, но какие прекрасные у вас будут дети. Ты их будешь любить и воспитаешь из них достойных людей. Прекрасные внуки – это мой след на Земле. Меня только это беспокоит. Моё будущее на Земле. Ты приняла верное решение, – сказал Хазрат, – но помни, что отныне и судьба Дарина, и судьба её детей будут зависеть исключительно от тебя.

Хазрат ушёл.

Айсу уже выплакала все слёзы и сейчас пребывала в каком-то оцепенении. Как же неожиданно изменилось всё в её жизни. Вчера ещё она наслаждалась жизнью, мечтала, любила, а сегодня все изменилось: теперь не она управляет своей судьбой, а за неё решают, что ей делать. Лишь утратив свободу, Айсу поняла, чего она лишилась. Как возможно счастье, если человек неволен в своих чувствах и желаниях. Если он должен делать только то, что пожелают другие. «Значит, был прав Рамзай, когда пожелал освободить рабов, – подумала Айсу. – Ведь и они люди, а я этого в своей гордыне не замечала».

Что может быть горше, когда ничего не может поделать, ничего не можешь изменить, ни на что не можешь повлиять.

Глава 9

Когда они закончили с ужином, то уже наступил вечер. Последние лучи заходящего солнца окрасили в тревожные красные цвета горизонт. Лес погрузился в молчание, повеяло холодным ветерком.

– Человек рожден с ограниченным количеством энергии. Как ты думаешь, почему? – спросил его Годо.

– Ему дали столько энергии, сколько нужно для жизни, – ответил Азар.

– Мыслишь правильно, но не в этом суть. Ему дали ограниченное количество энергии, чтобы он не мог много разрушить. Человек должен научиться пользоваться энергией, а для этого развивать свой разум.

– Допустим, что он разовьет свой разум, но ведь энергии у него не прибавится.

Годо загадочно улыбнулся.

– Как знать. В мире существует множество сил, которые можно слить в единую силу. Тогда могущество человека будет безграничным. А теперь сядь поудобней и закрой глаза.

– И что же мне делать? – спросил Азар.

– Ты ведь мысленно призывал Верного.

– Призывал, – признался Азар.

– Вот и сейчас отправь свою мысль на его поиски, – сказал Годо.

Он представил себе Верного и тотчас же увидел его, спокойно пасущего. Вдруг Верный насторожился, повернул морду в его сторону и громко заржал. «Неужели он видит меня?» – поразился Азар.

– Грустишь?! – сказал Азар. – И я по тебе грущу. Вернёшься в стойбище и не будет тебе так одиноко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.